

УДК 821.161.1.09 «20»

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-118-126

НЕОАКМЕИЗМ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ XX ВЕКА

Фетисова Е.Э.

Институт научной информации по общественным наукам РАН

117997, Москва, Нахимовский проспект д. 51/21, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования становится неокмеизм как малоизученная культурная парадигма XX века, его история и его философское ядро – «семантическая поэтика». Данная статья иллюстрирует на отдельных примерах отличительные черты неокмеизма в межтекстуальной коммуникации с неоклассицизмом, символизмом и акмеизмом. Анализируется его фундамент, концепция, поэзия постреализма и неоклассицизма. Рассматривается также «синхронно-реминисцентный хронотоп», благодаря которому в мифологии создаётся «монолог на полифонической основе». Неокмеизм содержит в своей структуре некий объединяющий ментальный код русской культуры, который объединяет внешне совершенно разных поэтов в рамках единого литературного течения.

Ключевые слова: неокмеизм, семантическая поэтика, символизм, акмеизм, литературное направление, синхронно-реминисцентный хронотоп, поэзия.

NEO-ACMEISM IN THE CONTEXT OF THE LITERARY TRENDS OF 20TH CENTURY

E. Fetisova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

51/21, Nakhimovsky pr., Moscow, Russian Federation, 117997

Abstract. The research subject of the present article is neo-acmeism as an understudied cultural paradigm of the 20th century, its history and «semantic poetics» as its philosophical «code». The article illustrates the particular features of neo-acmeism in terms of intra-text communication with neo-classicism, symbolism, and acmeism. The author also analyzes the foundation, conception, poetics of post-realism and neo-classicism and «synchronous-reminiscent chronotope» that creates the «polyphonic monologue» in mythology. Neo-acmeism contains the mental code of Russian culture which within the framework of one literary movement unites poets that may seem absolutely different.

Key words: Neo-acmeism, semantic poetics, symbolism, acmeism, literary trend, synchronous-reminiscent chronotope, poetry.

Неокмеизм («ренессансный» акмеизм) наследует от своего достойного «отца» пафос мужественного преодоления разрывов в пространстве и времени, панхроническую концепцию исторического «эона», культуросцентричность и

христоцентричность художественного мира, проникнутого божественным началом и пребывающего в ожидании «нового Адама», дарующего номинации вещам, предметам и образам, божественное могущество Слова-Логоса, которое в акмеистическом тексте становится сакральным, молитвенным, обретая надвременной статус (А.Ф. Лосев выделял в слове его «допредметную» и собственно «предметную» сущность, с чем перекликается мандельштамовское сравнение слова то с камнем (в «Утре акмеизма»), то с Психеей (в «Слове и культуре»); поэт неоакмеизма, как, впрочем, и поэт-акмеист, предстаёт многоипостасным харизматическим лидером, в связи с чем на первый план вновь выдвигается ренессансная личность, фигура Данте Алигьери, а мотивы, аллюзии, образы, реминисценции «Божественной комедии» и «Vita nuova» пронизывают художественную ткань произведений неоакмеистов); утверждается единство сакрального (высшего) и профанного (низшего) бытия, непререкаемый авторитет памяти и ориентация на классическую традицию.

Акмеизм и неоакмеизм – литературные направления, противопоставившие себя по ряду оснований авангарду. В отличие от символизма и футуризма, неоакмеизм – явление сугубо национальное, не имеющее аналогов в мировой литературе. Можно выделить три группировки неоакмеизма: «старшие неоакмеисты» (Арс. Тарковский, М. Петровых, Г. Оболдуев) и поэты «фронтального поколения» (Д. Самойлов, С. Липкин, Ю. Левитанский) – плеяда классических неоакмеистов, опирающихся на русскую классическую традицию

(Ахматову, Мандельштаму, Гумилёву) и библейские архетипы, наделённые глубоким онтологическим содержанием; «шестидесятники» (Б. Ахмадулина, Ю. Мориц, Л. Лосев, И. Лиснянская, А. Кушнер), противопоставившие свою романтически-элегическую эстетику конъюнктурной, официальной эстетике соцреализма. Их поэзия характеризовалась сменой ритма, монтажным принципом построения стиха и инновациями в области формы. И, наконец, поколение «задержанной литературы» 1970-1980-х годов (В. Кривулин, С. Стратановский, О. Седакова, Л. Миллер, Г. Русаков, Г. Умывакина) образует внешний концентрический круг неоакмеизма и является создателем «метафизической поэзии», приоритет в которой отдаётся постоянно осуществляемому цитатному диалогу с классическими текстами и необыкновенному чувству историзма.

Неоакмеизм – один из основных ненормативных стилей русской литературы XX века, но лишь в той степени, в какой не признаёт норму «эталонной». Провозгласив «преодоление» символизма и утвердив себя через это «преодоление», отказ от «мистических спекуляций», но, тем не менее органично переработав основные его принципы, неоакмеизм не являлся отчётливо маркированным стилем. Время и память – основные доминанты поэтического мировидения – служат ключом к постижению законов истории и современности. Смена художественных направлений «символизм – акмеизм (адамизм) – неоакмеизм» привела к тому, что лирический герой, «вечности заложник» (Б. Пастернак), оказался теперь «лицом к лицу с вечным временем и бесконечностью Мироздания, со

Смертью, Любовью как метафизическим преодолением бренности Бытия, с Богом как образно-философским осуществлением Абсолюта» [9, с. 12].

Первоначальным этапом нарождающегося неоакмеизма можно считать неоклассицизм 20-х годов XX века. Какой-либо отчётливой программы неоклассицизм не разработал, не был собственно литературным направлением, а представлял собой контрпоэтику, противопоставив себя по ряду оснований авангарду (футуризму) с его категорическим отказом от классической традиции. Следовательно, акмеизм, очищенный от адамизма Нарбута и Зенкевича, – нарождающийся неоакмеизм – рассматривается в рамках неоклассицизма, будучи противопоставленным футуризму: «Русский неоклассицизм начала двадцатых годов осознавал себя в первую очередь противовесом безудержности футуризма и других многочисленных в то время групп, разрушающих установленные каноны стиха. <...> Сказывалась, кроме того, и неудовлетворённость узкими рамками самого акмеизма, как он был преподнесён в манифестах» [7, с. 562-564]. Таким образом, неоакмеизм зарождался как литературное направление, призванное усовершенствовать поэтический язык и формальные приёмы классического акмеизма.

Вяч. Иванов, первый поэт-неоклассицист, ознаменовал своим творчеством переход от символизма к акмеизму, то есть смену культурных парадигм. Рационалистически-логичный подход к поэзии, связь дионисийского и аполлонического начал, уравновешенных на чаше Божественных Весов в программном стихотворении «Весы» (1904), делает его фигуру предтечей

акмеизма и нарождающегося неоакмеизма.

Основные тезисы поэзии Вяч. Иванова – «скреплять двух столетий звонки» (как у О. Мандельштама) посредством «памяти культуры», не забывать о великой роли Данте в качестве учителя и наставника поэтов («Уже наставник твой – не Юм – «суровый Дант!»» [4, с. 12] – в стихотворении «La faillite de la science»); не будет преувеличением утверждать также, что Вяч. Иванов – предтеча неоакмеизма, так как его поэтический дар зиждется на «трёх китах» неоакмеистической доктрины: на утверждении о том, что «поэт – «новый Адам», спустившийся в бездны мироздания и давший номинации предметам и вещам окружающего Бытия («Так долго с пророческим мёдом / Мешал я земную полынь, / Что верю деревьям и водам / В отчаяньи рдяных пустынь...» – стихотворение «Fata morgana» [4, с. 8]); на классическом наследии А.С. Пушкина («Куда учёная потянется ватага? / Ужели на Парнас?.. Затем, что знания – нет! / Ты бросил в знанье сеть и выловил сонет» [4, с. 12] – вышеупомянутое стихотворение «La faillite de la science»); и, наконец, на культе Возрождения, сильной личности, возвысившейся над бездной повседневности, Данте или Сандро Боттичелли.

Имплицитный переход от акмеизма к неоакмеизму в эмиграции (где важна составляющая символизма и символистской эстетики) демонстрирует собой творчество В. Ходасевича, ученика Н. Гумилёва. В поэзии В. Ходасевича едва ли не впервые вводится онейросфера (сфера поэтических сновидений), что указывает именно на связующее звено от символистской па-

радигмы к неоакмеистической. Так, в стихотворении «Как силуэт» впервые возникает образ «реки забвения» (дословно «забвенной реки» [8, с. 10]), а в стихотворении «У моря» (1917) В. Ходасевича морской прибой в сознании лирического героя ассоциируется с летней прохладой, по аналогии с образом Леты-Невы в «Поэме без героя» А. Ахматовой: «А мне и волн морских прибой, / Влача камня, / Поёт летейскою струёй, / Без утешенья» [8, с. 90].

В «Эпизоде» определяющее значение приобретает область онейросферы. Герой видит себя словно со стороны, как своего мифического двойника: «Того меня, который предо мною / Сидел, – не ощущал я вовсе...» [8, с. 92]. Стихотворение построено как предсмертное странствие души по реке забвения – вся жизнь проносится перед глазами лирического героя как эпизод киноленты: «Так, вёсла бросив и сойдя на берег, / Мы чувствуем себя вдруг тяжелее...» [8, с. 93]. Стихотворение «Золото» (7 января 1917) продолжает погребальную тематику. ИмPLICITно используется образность «Божественной комедии» Данте: мертвец, переплывая Лету, платил Харону за перевозку монеты в один обол, зажимая её во рту: «В могильном сумраке истлеют мак и мёд, / Провалится монета в мёртвый рот...» [8, с. 95].

Образность стихотворения с говорящим названием «Гадание» (1 мая 1907, Лидино) восходит к классической ахматовско-пушкинской традиции, не случайно ему предпослан эпиграф «Гадает ветренная младость...» Пушкина. Здесь используется старинный обряд «литьё воска»: «Свеча колеблет пламя красное. / Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!» [8, с. 13]. Воск оплавляется от

свечи и наливается в воду, а получившаяся фигурка олицетворяет собой судьбу героя – «рок», «Ананке».

В диптихе «Века, прошедшие над миром...» упомянуты дантовский образ «стигийских камышей» («Века, прошедшие над миром, / Протяжным голосом теней / Ещё зывают к нашим лирам / Из-за стигийских камышей» [8, с. 48]), «хор вздыхающих теней», «сумрак Эреба». Традиционен для неоакмеизма также пietet к древнегреческой мифологии. Миф об Орфее и Эвридике воссоздан в стихотворении «Возвращение Орфея» 1910 года: упомянуты мёртвая река Коцит, царство мрачного Аида, куда, по легенде, спустился влюблённый Орфей, чтобы вырвать из теней смерти свою Эвридику: «Несчастен, кто несёт Коцитов дар стенаний / На берега земных весёлых рек!» [8, с. 47].

Неоакмеизм как литературное направление представляет собой синтез модернизма и реализма. В произведениях И. Бродского, И. Лиснянской, Д. Самойлова, Арс. Тарковского творчески переработаны определённые черты каждого из направлений, но ни одно не доминирует над другим. Здесь соединились мифологизирующая авторская фантазия, творящая мистические миры, дихотомию реального-ирреального – согласно символистской традиции, – и ясность, конкретика видения окружающего мира, – унаследованные, безусловно, от реализма.

В центре эстетики неоакмеизма лежит представление о мире как «эстетическом феномене», которое было впервые обосновано в философии Шопенгауэра («Мир как воля и представление»). Вслед за символистами, подвергнув переосмыслению неопла-

тоновские и кантовские идеи, неоакмеисты чётко дифференцировали мир феноменальный, мир познаваемый, мир явлений, данных человеку в осязаемых чувствах, и мир ноуменальный, сферу скрытых сущностей, непознаваемых объектов, которые ещё надлежит узнать посредством «высокоинтеллектуальной интуиции» (термин О. Лосского) или особого, «мистического» озарения. Через «сверхчувственную интуицию» художнику-Демииургу даётся возможность разгадки таинственной сути мира. Аналогично «семантическая поэтика» творит «вторую реальность», постигаемую посредством переживаний и архетипически восходящую к символистской «теории соответствий». Так, в стихотворении «Всё обещало мне его...» А. Ахматовой автор моделирует «магическую реальность» посредством фольклорно-мифологического принципа «симпатических связей» (разнопорядковые явления соединяются причинно-следственными отношениями, не свойственными им в действительности). Немаловажно и то, что «семантическая поэтика» как потенциальная культурная парадигма самолично творит собственную философию в русле акмеизма и неоакмеизма – эйдолологию – науку об образах – термин, принятый в «Цехе поэтов». В статье «Анатомия стихотворения» (1921) Гумилёв писал: «Теория поэзии может быть разделена на четыре отдела: фонетику, стилистику, композицию и эйдолологию. <...> Эйдолология подводит итог темам поэзии и возможным отношениям к этим темам поэта» [1, с. 248].

«Семантическая поэтика» как потенциальная парадигма обладает отнесенностью устойчивым «центром»,

«кодом» (кодирующим механизмом) – полицитатностью, максимальной диалогичностью, апелляцией к сознанию адресата, равноправием читателя и автора в процессе активного сотворчества, функциональной открытостью, стереофонической полифонией – повторяющимся так или иначе в каждом произведении акмеистического (неоакмеистического) текста, и различной периферией – разным набором смысловых (содержательных) и жанровых (формальных) «валентностей», в совокупности образующих внешний реминисцентный слой, обуславливающий с помощью различного набора аллюзий и реминисценций (периферии парадигмы) оригинальность и специфику каждого конкретного неоакмеистического произведения. Например, к стихотворению «Надпись на книге» Арс. Тарковского («надпись» – древнейший жанровый канон сентиментализма) подключается неявная жанровая «валентность» послания.

Так, одно произведение или «семантический пучок» (строфа, фраза, стихотворение целиком) архетипически может восходить к двум и более источникам – но не менее двух (обязательный дифференцирующий признак ядра парадигмы); другое же – к восьми одновременно и более первоисточникам, аллюзиям и реминисценциям русской и мировой литературы, философии и эстетики. Структура «семантической поэтики» провоцирует стереофонический диалог текстов, полисемию смысла, что, в свою очередь, порождает эффект «двойной экспозиции», полицитатность (с содержательной точки зрения), а также возникновение жанров на стыке двух и более жанровых «валентностей» (с

формальной точки зрения). Так, не-установленная цитата «Решки» в «Поэме без героя» А. Ахматовой – «По ту сторону ада мы» [2, с. 198] – имеет философско-литературную родословную, восходя одновременно к трактату Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (1885) и роману Шервуда Андерсена «По ту сторону желаний». Возможны также конкретно-исторические реалии 1930-х годов – женщины под тюремными стенами «Крестов».

«Семантическая поэтика» как онтологический центр неоакмеизма нацелена на аккумуляцию и творческое преобразование художественного материала, которым служит образ, мотив, сюжет, цитата, новый жанр, аллюзия, реминисценция. Данная установка обеспечивает «семантической поэтике» и неоакмеизму в целом невероятную устойчивость и жизнеспособность на протяжении всего литературного процесса XX века.

Неоакмеизм во многих своих аспектах продолжил миссию символизма. Так, в основе концепций символизма и неоакмеизма лежит представление о «двоемирии», о нераздельности двух планов бытия – феноменального и нуминального, материального и духовного, земного и небесного, которые трансформируются в поэтическом универсуме в дихотомию взаимоисключающих начал. Художественное воплощение антиномичного мира осуществляется путём погружения поэта в себя, «интеллектуальной интуиции» (термин О. Лосского), «внутреннего зрения», путём воскрешения усилиями памяти мифического начала в обрванной, метафорической аналогии.

Как и символизм, неоакмеизм зарождался в оппозиции к любым фор-

мам идеологической «ортодоксии» – в частности, соцреализму. Неоакмеизм, как и декаданс, был ориентирован на творческую активность читателя, о чём красноречиво говорит манифест «Третьего Цеха». Первый состав «Третьего Цеха» задумывался не столько как антисимволистская коалиция, сколько как союз, призванный объединить всё постсимволистское поколение поэтов. Итак, неоакмеизм получает расширительное значение, объединяя под своим знаменем формально непохожих поэтов, объединённых едиными содержательными доминантами. Символизм и неоакмеизм также сближало обращение к сфере подсознательного, снам, галлюцинациям, «тёмным тайным чувствованиям». Поэзия неоакмеизма – поэзия «трансцендентальная», проникающая в недра сокровенной сущности – образа-символа.

Более того, русский символизм, впитавший в пору своего расцвета идеи Вл. Соловьёва (учение о теургии – художественном творчестве, освещённом божественным откровением – работы «Две стихии в современном символизме» Вяч. Иванова 1908 года и «Смысл искусства» А. Белого 1910 года), учение о Мировой Душе, перенёс их как неотъемлемую часть своих философско-культурных доктрин в неоакмеизм. И в символизме, и в акмеизме, и в неоакмеизме осуществлялся синтез различных, порою весьма отдалённых временных планов – в поэзии И. Анненского, Вяч. Иванова, А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, И. Лиснянской, Арс. Тарковского, Д. Самойлова время давнопрошедшее, плюсквамперфект соединялось со временем будущим.

Если символизм зарождался в России в процессе взаимодействия с реализмом, то и неокмеизм характеризуется как взаимовлияние, притяжение-отталкивание элементов исторического, психологического реализма и модернизма, что само по себе становится движущим началом литературного процесса второй половины XX века. Е.В. Ермилова выделяет минимум признаков, формирующих специфически неокмеистическую картину мира, краеугольным камнем которой является элемент артельности: «культуроцентризм, этикоцентризм, историзм, принцип воплощённости духовного начала, новая субъектная структура, сформированная исходя из идеи “общей судьбы”» [3, с. 439-440].

Философско-онтологический фундамент неокмеистического текста формируется на основании трёх источников: «Первое знание, данное человеку: «я», бытие внутреннего мира личности – психология, в самом широком смысле; второе знание – «не-я», бытие внешнего мира – космология; третье: конец «я» и «не-я» – эсхатология» [6, с. 18]. Если рассматривать синтез элементов исторического и психологического реализма в творчестве неокмеистов, нужно учесть, что художественная природа неокмеистического текста двойственна, двуслойна. Благодаря соприсутствию в тексте синхронно-реминисцентного хронотопа, создающего персонажную полифонию, свойственную произведениям «большого жанра» (термин М.М. Бахтина), в частности, романам Ф.М. Достоевского, и единого, но многоликого Автора, создающего единый «авторский миф» и нераздельный лирический сюжет, целесообразно говорить о художествен-

ном синтезе элементов исторического и психологического реализма на уровне поэтики неокмеистических произведений. Неокмеистический способ организации поэтического сюжета, основанного на множественности персонажей – лирических двойников автора – создаёт иллюзию психологического проникновения в историческую реальность, в историю, и, вместе с тем, «объективности» стиля – не от автора, а от лица персонажей, ожившими «голосами» прошлого. Так, в произведениях Арс. Тарковского доминирует время циклическое – ницшеанская, «диониссийская» его модель как вечного возврата и повторения – так рождается полифония отдалённых эпох.

Множество мифов Ветхого завета, античности, средневекового рыцарства, Возрождения и Нового времени, библейские и евангельские сюжеты, исторические мифы о реальных героях и реминисценции на них – всё скрепляется авторским замыслом, индивидуальным авторским «мифом», и воспринимается как неповторимо личностное переживание запечатлённого в них предания. Таким образом, художественное время неокмеистического текста двуслойно: это и мифологическое время Автора-«героя», и время конкретно-историческое, обладающее вселенской перспективой. Воображение поэта возвращается к истокам культуры, началу истории, в «подвал памяти» («Поэма без героя») разных веков и столетий. Связь прошлого и будущего восстанавливается через обращение поэта к истории, к памяти «ненапряжного прошлого» с целью различить в нём вневременное, апокалиптическое время «во все времена».

В произведениях адептов акмеизма – А. Ахматовой, Н. Гумилёва, О. Мандельштама – и неоакмеистов, объединённых рамками «семантической поэтики», особый «механизм памяти» (модель осмысления настоящего) способствует синкретизму формы воспоминания, когда «воспоминание» о прошедшем оборачивается «пророчеством», предсказанием будущего, определяя «зеркальный» пространственно-временной принцип композиции. Память предстает как некая мыслящая субстанция, воплощающая в себе идею соборности (П. Флоренский), включённой в поток настоящего и будущего, циклической соотнесённости времён, в то время как автор «обретает мифопоэтический статус “хранительницы прошлого”, “держательницы времени”» [5, с. 121].

Неоакмеизм в эмиграции («парижская нота» – Г. Адамович, Г. Иванов,

«Скит поэтов», поэты «Молодой Чураевки») продолжил миссию символизма: «двоемирие», концепт мира как «эстетического феномена» он преобразует в принцип мистического энергетизма, постигая мир ноуменальный через «мистическое озарение». Эмигрантский неоакмеизм раскрывается как синтез элементов модернизма и реализма. Данное исследование неоакмеизма как непрерывной парадигмы постсимволистского, традиционалистского творчества, как одной из значимых линий литературного развития, соединяющий в себе исторический опыт России (метрополии) и эмиграции (русского зарубежья), способствует выявлению внутренней целостности русской литературы, развивающейся в диалоге различных художественных систем (в частности, символизма, неоклассицизма, акмеизма, футуризма).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т.А. Бек. М.: АСТ, 1997. 428 с.
2. Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. 640 с.
3. Ермилова Е.В. Акмеизм // Русская литература рубежа веков, (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 770 с.
4. Иванов Вяч. Утренняя звезда: Стихотворения. М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2013. 239 с.
5. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла. М.: МАКС Пресс, 1997. 148 с.
6. Мережковский Д. Тайна Запада: Европа – Атлантида. Белград, 1931. 109 с.
7. Русская литература 1920-1930-х годов: Портреты поэтов: в 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 1024 с.
8. Ходасевич В. Тяжёлая лира: Стихотворения. М.: НексМедиа; ИД Комсомольская правда, 2013. 238 с.
9. Эткинд Е. Там, внутри: О русской поэзии XX века. СПб.: Око, 1997. 568 с.

REFERENCES:

1. Antologiya akmeizma: Stikhi. Manifesty. Stat'i. Zаметki. Memuary [Anthology of Acmeism: Poems. Manifests. Article. Notes. Memoirs]. M., AST, 1997. 428 p.
2. Akhmatova A. Sobr. soch.: v 6 t. T. 3 [Coll. works: in 6 vol. Vol. 3]. M., Ellis Lak, 1998. 640 p.
3. Ermilova E. V. Akmeizm // Russkaya literatura rubezha vekov, (1890-e - nachalo 1920-kh godov): v 2 t. T. 2. [The Acmeism // Russian literature of the century]. M., IMLI RAN, 2001. 770 p.

4. Ivanov Vyach. Utrennyaya zvezda: Stikhotvoreniya [The morning star: Poems]. M., NeksMedia; ID Komsomol'skaya pravda, 2013. 239 p.
5. Kikhnei L.G. Poeziya Anny Akhmatovoi: Tainy remesla [The poetry of Anna Akhmatova: the Secrets of the craft]. M., MAKS Press, 1997. 148 p.
6. Merezhkovskii D. Taina Zapada: Evropa – Atlantida [Mystery Of The West: Europe - Atlantis]. Belgrade, 1931. 109 p.
7. Russkaya literatura 1920-1930-kh godov: Portrety poetov: v 2 t. T. 2 [Russian literature of 1920-1930-ies: Portraits of poets: in 2 vol. Vol. 2]. M., IMLI RAN, 2008. 1024 p.
8. Khodasevich V. Tyazhelaya lira: Stikhotvoreniya [Heavy lyre: Poems]. M., NeksMedia; ID Komsomol'skaya pravda, 2013. 238 p.
9. Etkind E. Tam, vnutri: O russkoi poezii KHKH veka [There, inside: On Russian poetry of the XXth century]. SPb., Oko, 1997. 568 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фетисова Екатерина Эдуардовна – кандидат филологических наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН);
e-mail: slabkih.ksenia@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fetisova Ekaterina – candidate of Philological Sciences, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: slabkih.ksenia@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Фетисова Е.Э. Неоакмеизм в контексте художественных направлений XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 118-126.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-118-126

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Fetisova E. Neo-acmeism in the context of the literary trends of 20th century // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no 3. pp. 118-126.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-118-126